

М. М. Сафонов

14 декабря. «Путешествие дилетанта» (План восстания 14 декабря 1825 г. в советской историографии)

Вопрос о плане действий руководителей Тайного общества является одним из самых сложных в истории 14 декабря. В советской историографии утвердилось мнение о том, что план руководителя восстания «диктатора» С. П. Трубецкого состоял в следующем. Гвардейский морской экипаж во главе с капитаном А. И. Якубовичем должен был взять штурмом Зимний дворец, арестовать императорскую фамилию, после чего войска, собранные на Сенатской площади, заставили бы Сенат издать «Манифест к русскому народу». Однако измена Якубовича, отказавшегося поднимать гвардейский экипаж, разрушила важнейшее звено этого плана, а прямое предательство Трубецкого сорвало четко продуманный замысел. Поэтому восстание приняло хаотический характер и дальше пассивного стояния на Сенатской площади не пошло. При этом одни исследователи во главу угла ставят предательство Трубецкого, изменившего и делу, и товарищам¹. Другие полагают главным виновником катастрофы Якубовича, невольной жертвой измены которого стал несостоявшийся диктатор Трубецкой². Наиболее полно эта точка зрения представлена в работе Я. А. Гордина.

«План был прост и надежен, — писал Я. А. Гордин. — Гвардейский морской экипаж вместе с Измайловским полком — а если измайловцы не подымутся, то без них — должен был идти к Зимнему дворцу, *взять его штурмом* (разрядка

¹ Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. М., 1975. С. 25–108.

² Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. Л., 1989. С. 160–169.

моя. — М. С.) и арестовать императорскую фамилию. Таким образом, правительственная партия была бы обезглавлена и некому было бы координировать сопротивление перевороту... Остальным восставшим полкам — сколько бы их ни было — предписывалось спешить к Сенату, на сборное место.

Для успеха переворота восставшим необходимо было захватить две позиции — Зимний дворец и Сенат. Захватом дворца и арестом императорской фамилии ликвидировалось старое правление. Сенат нужен был, чтобы провозгласить новое.

Без захвата дворца, по замыслу Трубецкого, овладение Сенатом теряло смысл, ибо в случае сохранения Николаем свободы и какой-то власти вступал в действие батенковский вариант — переговоры с претендентом.

Именно поэтому главная и самая надежная сила тайного общества — Гвардейский морской экипаж — направлена была на дворец. ...Для того чтобы овладеть Сенатом и удержать его, достаточно было одной роты. Для штурма дворца этого было мало. <...>

Поскольку захват Сената... требовал малых сил, на него в первую очередь ориентирован был ненадежный Московский полк, в котором рассчитывали на одну-две роты.

Те части, которые оказались бы перед Сенатом, во-первых, гарантировали бы контроль над ним тайного общества, а кроме того, составили бы резерв, который после захвата дворца мог быть брошен на выполнение любой второстепенной задачи. <...> Трубецкой хотел все наличные силы — кроме тех, кто пойдет на дворец, — прежде всего сосредоточить на Сенатской площади, чтобы в случае контрмер правительства иметь возможность подкрепить ту часть, которая будет удерживать дворец, и вообще — действовать по обстоятельствам, как сам он говорил.

Разумеется, Петропавловская крепость — если бы удалась основная операция — была бы занята лейб-гренадерами, поскольку охранял ее караул этого полка. Крепость, с ее артиллерией, могла стать базой восставших войск при попытке контрпереворота. <...>

Таким образом, боевой план Трубецкого состоял из двух основных компонентов: первый — захват дворца ударной группировкой и арест Николая с семьей, второй — сосредоточение всех остальных сил у Сената, установление контроля над зданием Сената, последующие удары в нужных направлениях — овладение крепостью, арсеналом.

План Трубецкого был именно боевой план. Осуществление общего политического плана началось бы после того, как Рылеев и Пущин вручили бы Сенату манифест для обнародования.

Главная роль в реализации боевого плана предназначалась Якубовичу. Начальником штаба восстания Трубецкой назначил Оболенского... Остальные назначения и, главное, хронология действий должны были определиться позже — в канун присяги.

При отсутствии непредвиденных обстоятельств план был вполне надежен. Трех полков, на которые с разной степенью уверенности рассчитывали вожди общества, было достаточно для его успеха»³.

Работа Я. А. Гордина была создана в последнее десятилетие существования Советского Союза. Первое издание книги появилось в 1985 г.⁴, в год начала так называемой перестройки. Второе же издание, дополненное и переработанное, появилось под новым названием в 1989 г., т.е. за два года до крушения СССР. Книга вышла из-под пера писателя, редактора журнала «Звезда». Сноска в ней не было, но встречались отдельные ссылки на архивные документы, прилагался именной указатель и список литературы из семи названий. Книга эта, созданная непрофессиональным историком, явилась своеобразным итогом развития советской историографии 14 декабря и почти два постперестроечных десятилетия считалась наиболее авторитетной работой по истории восстания декабристов. Для того чтобы дать объективную оценку этой работе, в которой как в капле воды отразилось современное состояние отечественного декабристоведения, необходимо установить, из каких элементов складывалась концепция Я. А. Гордина и рассмотреть ее в контексте основных тенденций развития советской историографии движения декабристов.

Большинство отечественных декабристоведов едва ли даже подозревают о том, что они являются адептами ленинско-сталинской концепции движения декабристов. Эта концепция создавалась в период с середины 1930-х до середины 1950-х гг. и была тесно связана с отказом СССР от идеи мировой революции и принятым курсом на строительство социализма в одной отдельно взятой стране. Ее создание связано с именем М. В. Нечкиной. Ей принадлежит ведущее место среди ученых-декабристоведов, которые работали в рамках формационного подхода и признавали классовую борьбу движущей силой истории. Она больше чем кто-либо сделала для того, чтобы представить «открытое выступление» тайного общества «как органический элемент смены общественно-исторических формаций— смены феодализма капитализмом». Много сил положила она, чтобы доказать верность ленинской формулы: «В 1825 году Россия впервые видела выступление против царизма»⁵. Речь шла только о революционном выступлении. Априори революционеры не могли иметь никаких связей с представителями правящих верхов. Поэтому исследовательница отказалась от рассмотрения обстоятельств междоусобицы⁶, кульминацией которых являлись события 14 декабря 1825 г.⁷

³ Там же. С. 167–169; *Гордин Я.А.*: 1) Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 г. После мятежа. (Хроника). М., 1997. С. 129–131; 2) Мятеж реформаторов. Драма междоусобицы. СПб., 2006. С. 234–236.

⁴ *Гордин Я.А.* События и люди 14 декабря. Л., 1985.

⁵ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 19–29, 36–37.

⁶ *Сафонов М.М.* Междоусобица // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 169–172.

⁷ *Сафонов М.М.* 14 декабря 1825 года как кульминация междоусобицы // 14 декабря

Вопрос же о возможной заинтересованности отдельных представителей правящих верхов в том, чтобы выступление тайного общества состоялось, отпадал сам собой.

Из противоречивых и разновременных высказываний Ленина М. В. Нечкина выстроила «цельную и полную глубокого содержания концепцию движения декабристов». Они, так же как и большевики, выступали против самодержавия и крепостничества, но первые в истории страны подняли вооруженное восстание против царизма, подготовленное революционной организацией во имя революции, цель которой заключалась в том, чтобы заменить отживающий феодальный строй новым, прогрессивным капиталистическим.

При истолковании ленинской концепции Нечкина опиралась на единственное высказывание И. В. Сталина по этому предмету. Во время беседы с писателем Э. Людвигом вождь большевиков поставил восстание декабристов в один ряд с Октябрьской революцией. В 1938 г. была опубликована «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Эта книга, многократно переиздававшаяся, на два последующих десятилетия определила идеологическую и политическую жизнь страны. В ней была изложена пятичленная схема развития и смены общественно-исторических формаций как конфликта, вызываемого несоответствием производственных отношений уровню развития производительных сил, который разрешается путем революции. Сведенные вместе публицистические высказывания Ленина Нечкина вписала в пятичленную схему развития общественно-экономических формаций. В этой системе координат декабристы могли быть только революционерами, а их выступление — вооруженным восстанием во имя революции, предпринятой во имя победы капитализма над феодальным строем.

Созданная таким образом концепция движения декабристов называлась «ленинско-сталинской». После смерти вождя народов ее переименовали в «ленинскую», хотя по сути она так и осталась «сталинской». Эта концепция была положена в основу двухтомного труда М. В. Нечкиной. Ее фундаментальный труд был издан в 1955 г. и на три последующих десятилетия определил русло и четко обозначил границы, в которых развивалось советское декабриствоведение⁸. Эта концепция в несколько модернизированном виде благополучно дожила до наших дней, несмотря на начавшийся примерно с середины 1980-х гг. отказ от марксистских парадигм⁹.

1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. IV. СПб., 2001. С. 61–86.

⁸ Сафонов М. М. Становление советской концепции восстания декабристов // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб., 2009. С. 131–135.

⁹ Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2013. С. 279.

В 1985 г. Я. А. Гордин представил новую модернизированную версию концепции М. В. Нечкиной. Хотя работа была опубликована два года спустя после смерти Нечкиной, книга готовилась при ее жизни и представляла собой еще один шаг на том пути, который привел ее в академики. Видимо, Гордин стремился быть святее папы римского. Во всяком случае, идея вооруженного восстания была доведена им до возможных пределов.

Книга Я. А. Гордина «События и люди 14 декабря» открывалась эпитафией, взятым из работы М. В. Нечкиной: «Декабристы не были горсткой беспочвенных мечтателей... декабристы были наиболее ярким проявлением общего процесса, их замыслы были понятны не им одним — около них был широкий круг сочувствующих». В «Предисловии» подчеркивалась эта нечкинская мысль: декабристы были «люди действия». Они планировали уничтожить самодержавие и крепостничество; будущие мятежники последовательно развивали «идею неизбежного восстания». Они всегда отстаивали «мысль о необходимости насильственного изменения порядка вещей в России». Лидеров Северного и Южного общества всегда одушевляла «мысль революционная». Они исходили из того, что самодержавие не поддается мирному и политическому давлению... преобразованиям в России должно было предшествовать вооруженное восстание». Они не видели другого средства «переломить ход событий, кроме насильственного переворота». Всё «предисловие» к книге представляло собой как бы апофеоз идеи вооруженного восстания.

Исходя из этих теоретических установок, Я. А. Гордин интерпретировал план восстания 14 декабря. В основе этого плана лежало стремление силой оружия провести в жизнь положения радикального «Манифеста к русскому народу». Это манифест сокрушал основы системы, а не просто корректировал ее. «Сделать подобную программу политической реальностью можно было только путем вооруженного переворота. Речь могла идти о захвате власти, а не о переговорах с компромиссным решением». Соответственно этой установке Гордин составил из отрывков следственных показаний Трубецкого и Рылеева план вооруженного восстания¹⁰.

В 1989 г. Я. А. Гордин выпустил новое издание своей книги, подготовленное уже после смерти академика М. В. Нечкиной. Здесь автор совершенно иначе расставил акценты. Это прежде всего выразилось в названии книги: «Мятеж реформаторов».

Эпитафия-цитата из книги Нечкиной о декабристах — людях дела был отброшен. Его заменили слова М. С. Лунина «Мыслящие восстали». В «Прологе» же идея о вооруженном восстании как единственном средстве направить Россию по пути прогресса, неожиданно была заменена совсем иной мыслью. В вопиющем противоречии с тем, что Я. А. Гордин утверждал, когда перестройка еще не начиналась, теперь он писал о лидерах тайного общества: «Многие

¹⁰ Гордин Я. А. События и люди 14 декабря. С. 5–8, 118–120.

из них изначально не хотели кровавых катаклизмов. Они хотели реформ». «Но было и другое течение, <...> делавшее ставку на вооруженный переворот, насильственный захват власти, как необходимое и единственное условие для проведения реформ»¹¹. Как это ни покажется удивительным, люди, которые в 1985 г. изображались последовательными революционерами, убежденными сторонниками вооруженного восстания, считавшие его единственным средством двинуть страну по пути прогресса, теперь, в годы перестройки, под пером Гордина превратились в реформаторов. Они, оказывается, стремились вовсе не к революции, а к реформам. Понятно, при коммунистической власти необходимо было воспевать революцию. Но на заре перестройки фимиам уже курился не революции, а реформам. Так вооруженное восстание, бывшее ничем иным как неудавшейся революцией, превратилось в «мятеж реформаторов». Замена названия книги была более чем симптоматичной.

Дрейф Я. А. Гордина в сторону реформ можно было бы только приветствовать, так как он должен был знаменовать собой отказ от догм коммунистической власти, ставившей во главу угла революцию, а реформы и либерализм трактующей как нечто сугубо негативное — даже не альтернативу реформ, а скорее достойное осуждения стремление подменить революцию. Однако Гордин, теоретически покинувший позиции сталинской концепции декабризма, почти ничего не изменил в конкретно-историческом изложении своей книги. Вместо того чтобы трезво посмотреть на события 14 декабря как на неудавшиеся действия реформаторов (к этому обязывало новое название книги), он оставил в фактическом изложении почти всё по-старому. Последовательный революционер Трубецкой пытался штурмовать Зимний дворец, для того чтобы насильно, т.е. что ни на есть самым революционным путем, провести в жизнь положения «Манифеста к русскому народу».

Таким образом, построения Гордина представляли собой модифицированную в сторону радикализации концепцию М. В. Нечкиной. Собственно говоря, он довел построения советского академика до логического конца. Это выразилось в том, что Гордин сделал центральным пунктом всего плана «штурм» Зимнего дворца ударной группировкой. Причем если в работе Нечкиной не совсем ясно, одновременно ли осуществляется захват дворца и принуждение Сената издать манифест, либо второе предшествует первому, то Гордин внес предельную «ясность»: вначале штурм Зимнего дворца революционными матросами (надо думать, под лозунгами: «Долой самодержавие!»), а потом принуждение Сената возвестить о совершившемся факте. Без штурма же дворца овладение Сенатом не имело смысла.

Обращает на себя внимание употребление такого термина, как «штурм» Зимнего дворца, в источниках того времени, конечно же, не встречавшийся. Этот термин вызывает невольные ассоциации со «штурмом Зимнего» в октябре 1917 г., которого, как теперь известно, вовсе и не было. Характерно, что никто

¹¹ Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. С. 15, 16.

из предшественников Я. А. Гордина, даже сама Нечкина, никогда не употреблял этот термин, предпочитая использовать более нейтральные слова, как «занятие» или «захват», но никак не «штурм». Создается даже впечатление, что автор книги не столько был озабочен поисками исторической истины, сколько стремился «подыграть» власти. Большевики, а затем коммунисты настойчиво распространяли миф о штурме Зимнего дворца в октябре 1917 г., и им очень хотелось, чтобы и декабристы, которых они объявили своими предшественниками, пытались бы осуществить, хотя и неудачно, нечто подобное¹². К сожалению, Гордин не мог предвидеть, что власть коммунистов падет через несколько лет после выхода в свет его книги, и платить по прежним счетам придется уже столь скоро.

Это тем более досадно, потому что книга Я. А. Гордина, написанная в новых исторических условиях, во многих отношениях выгодно отличалась от сочинений М. В. Нечкиной. Нечкина писала языком своего времени. Объясняя «роковые» действия руководителей восстания, она оперировала такими понятиями, как «ограниченная дворянская революционность», которая «заморозила» действия Якубовича, или «количество колебаний», перешедшее в «качество несомненной измены революционному делу»¹³. Гордин «очеловечил» эти абстрактные формулы, заменил их такими доступными для непредвзятого человека понятиями, как «обманутые ожидания несостоявшегося вождя» или «возможность перехватить лидерство»¹⁴.

Книга не содержала ни одной цитаты из Ленина, а в перестроечном издании 1989 г. появились такие лирические отступления, которые в предыдущую эпоху могли бы быть квалифицированы как диссидентские. Например, рассуждение о жизни в водолазном скафандре при авторитарном режиме¹⁵.

Такими средствами Я. А. Гордин создал иллюзию достоверности и в итоге сочинил еще более далекую от истины версию событий, доведя построения М. В. Нечкиной до логического конца. Едва ли писатель сам сознавал, что из-под его пера вышла литературная версия сталинской концепции. Она была несколько подновлена в духе «социализма с человеческим лицом». Но в основе ее лежали всё те же теоретические максимы «Краткого курса ВКП(б)», блестяще примененные Нечкиной к декабристскому материалу. Я. А. Гордин оставил за скобками весь теоретический фундамент советского декабристоведения, поскольку жанр его сочинения позволял обойтись без «теории» и ссылок на ее классиков. Но при этом писатель развил до логических пределов построенную на этом теоретическом базисе версию советского академика. Хотя эта сталинская версия теперь была отделана перестроечными аксессуарами, быть таковой по своей сути она не перестала.

¹² Сафонов М. М. Декабристы разбудили Гордина // Город. 2005. № 46 (178). 26 декабря.

¹³ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. II. С. 125, 190.

¹⁴ Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. С. 183, 223.

¹⁵ «Можно, конечно, на несколько десятилетий заключить себя в водолазный скафандр. Но мы-то знаем, что это за жизнь!» (Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. С. 33).

Несомненная заслуга писателя состояла в том, что он, в отличие от академика, попытался вернуться к работам «домарксистских» историков 1920-х гг., которые еще не сверяли свои взгляды с высказываниями Ленина, и рассмотреть события 14 декабря как завершающий аккорд междуцарствия, неразрывную его часть. Однако Я. А. Гордин, видимо, не был знаком с работой Е. В. Сказина¹⁶ и поэтому прошел мимо его любопытных наблюдений. Всё, что касается обстоятельств междуцарствия, Гордин заимствовал из книги А. Е. Преснякова, почти дословно перенеся в свою книгу построения этого автора¹⁷. Там же, где писатель пытался внести в трактовку Преснякова нечто свое, он обнаружил слабое знание конкретной исторической действительности и дилетантизм¹⁸.

¹⁶ Сказин Е. В. Восстание 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1925. С. 3, 5, 6, 26–27, 30–31, 36–38, 41–42, 61–72.

¹⁷ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 3, 24, 25, 54–55, 74, 79, 84, 85, 90–93, 97–100, 143.

¹⁸ Попытки писателя дать собственные истолкования общеизвестных фактов, к сожалению, вызывают невольные ассоциации с воспоминаниями А. И. Рибоьера. Автор мемуаров рассказывает, что, будучи ребенком, стал любимцем Екатерины II. У него появился соперник — В. Эстергази, мальчик был ставленником фаворита императрицы П. А. Зубова. Чтобы не сделать ложного шага, В. Эстергази «говорил государыне только то, чему научили его родители». Екатерина «скоро подметила, что ребенок повторял только заранее выученное. Как раз он поел слишком много репы или гороху и ненароком испустил вздох, который ошибся выходом: “Ну, — заметила императрица, — наконец услышала я кое-что собственное”» (Записки графа Александра Ивановича Рибоьера // Русский архив. 1872. Кн. I. С. 474). Чтобы не быть голословным, приведу несколько характерных примеров. Я. А. Гордин утверждал, что, вступив в морганатический брак, Константин терял право на престол (Гордин Я. А. Мятаж реформаторов. С. 27). Откуда такие сведения? У А. Е. Преснякова писатель прочитал двусмысленную фразу о том, что лицо, вступившее в морганатический брак, не имело права на престол и не могло передать его детям, рожденным от такого брака. (Дословно эта фраза звучала так: «Если какое-либо лицо из императорской фамилии вступит в неравный брак, т. е. с лицом, не принадлежавшим к другому владетельному дому, то ни то лицо, ни дети от такого союза не приобретают прав членов династии и, тем более, прав наследования престола» (Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С. 57)). Историк имел в виду, что жена Константина не могла иметь прав на российский престол. Писатель же понял это так, что Константин, вступив в такой брак, лишался права престолонаследия. Не мешало бы заглянуть в какую-нибудь еще книгу, чтобы разобраться. Можно лишь удивляться тому, как писатель не заметил: если бы Константин, женившись на И. Грудзинской, терял право на престол, то отстранить его от права наследования можно было бы уже на основании этого закона и нечего было бы огород городить. Еще пример. Я. А. Гордин прочитал у А. Е. Преснякова фразу о том, что на монетах появилось изображение Константина (Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С. 83). Эта двусмысленная фраза трансформировалась у Я. А. Гордина таким образом, что в России началась чеканка константиновских рублей. Писателю не мешало бы ознакомиться хотя бы с какой-нибудь популярной брошюрой о константиновском рубле, чтобы не писать таких несуразностей, раз он не знает, сколько времени требуется на изготовление штемпеля. В книге Я. А. Гордина появилось, мягко говоря, странное утверждение о том, что в период междуцарствия в России царствовали одновременно два императора: в Польше Николай, а во всей остальной России — Константин (Гордин Я. А. Мятаж реформаторов. С. 27, 79–80). То же ошибочное утверждение встречается в одной из ранних работ М. В. Нечкиной: «Николай в Петербурге присягнул

При таком знании исторических реалий трудно ожидать, чтобы писатель был в состоянии сказать новое слово в исследовании 14 декабря. И действительно, большинство «новаций» Я. А. Гордина следует отнести скорее к мастерству писателя, умению создавать легким пером драматические коллизии, но отнюдь не к научным достижениям.

Писатель воспринял от М. В. Нечкиной мысль о манифесте Трубецкого как главном программном документе движения, который предполагал коренное преобразование социального и экономического строя страны. Но Я. А. Гордину, видимо, казалось недопустимым, чтобы автор такого революционного документа в конце концов оказался предателем и изменником. Поэтому Гордин позаимствовал у Н. Ф. Лаврова¹⁹ идею о Трубецком как самом последовательном революционере, бывшим не предателем, а жертвой честолюбивого А. И. Якубовича.

Я. А. Гордин представил дело так. Известие о болезни императора Александра вызвало в тайном обществе растерянность. Однако первое решительное слово о том, что надо воспользоваться обстоятельствами, произнес Трубецкой. Эта «твердая позиция посреди всеобщей растерянности» привела его в диктаторы. В то же время в действие вступил человек, «которому предстояло сыграть сильную и странную роль в надвигающихся событиях» — подполковник Г. С. Батенков. У него была идея изменения политического устройства акцией «высших сословий» — Государственного совета и Сената, провозглашения императрицей Елизаветы или же малолетнего Александра Николаевича.

Вечером 27 ноября у Рылеева состоялось программное совещание, на котором приняли решение огромной политической важности. Было намечено два

Константину... Константин же в Варшаве присягнул Николаю» (*Нечкина М. В.* Декабристы. М., 1930. С. 71). Но впоследствии она уже не повторяла этой ошибки. Я. А. Гордин нигде не обнаруживает, что был знаком с этой работой. По сравнению с этим утверждением дважды повторенная им фраза о том, что «14 декабря восставшие стояли около здания Сената и Синода» (*Гордин Я. А.* Мятаж реформаторов. С. 301, 303), в то время еще не существовавшего, воспринимается как досадная оговорка. В научной литературе были отмечены его грубейшие ошибки в трактовке междуцарствия, вызванные тем, что писатель «был плохо знаком с тем, как реально действовал правительственный механизм в России, недостаточно внимательно изучил исследования, в которых этому вопросу уделялось внимание, и очень слабо владел тем, что профессиональные историки называют «критикой источников»» (*Сафонов М. М.* 14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. С. 64). Удивляет другое. Вместо того чтобы исправить допущенные ошибки, абсурдность которых теперь не может не броситься в глаза, Я. А. Гордин с упорством, достойным лучшего применения, продолжает как ни в чем не бывало тиражировать их (*Гордин Я. А.* Мятаж реформаторов: 14 декабря 1825 г. После мятежа (Хроника); Мятаж реформаторов: Драма междуцарствия). Автора можно понять: если бы он начал вносить коррективы в свое сочинение, то его «концепция» междуцарствия сразу же развалилась, как картонный домик. Остается сознательно продолжать водить читателя за нос. Только кого может ввести в заблуждение такой «нехитрый» прием, когда он свидетельствует о бессилии автора отстоять свою точку зрения?

¹⁹ *Лавров Н. Ф.* «Диктатор 14 декабря» // Бунт декабристов. Юбилейный сборник 1825–1925. Л., 1926. С. 136, 177, 195, 201, 203, 206, 207.

варианта возможных действий. В случае, если Константин вступит на престол, — законсервировать тайное общество. Если цесаревич отречется, то немедленно воспользоваться ситуацией, а пока готовиться. Члены тайного общества проявили «безусловную готовность к действию при минимально благоприятных обстоятельствах».

Около 9 декабря стало ясно, что Константин отречется. Первая мысль членов тайного общества заключалась в том, чтобы возвести на престол кого-либо из августейшего семейства, лучше слабую женщину. Разговоры об этом велись уже 27 ноября. Сторонниками этой идеи были Г. С. Батенков и В. И. Штенгейль. Она представляла собой модифицированный вариант идеи верховников — «приглашение государя на определенных условиях, не подтвержденных, однако, ничем, кроме бумажного договора». Это была идея «декабристской периферии». Однако позиция ядра тайного общества — Трубецкого и Рыльева — была совсем другой. Самым радикальным в этом ядре был Трубецкой. Он намеревался путем вооруженного восстания реализовать основные положения «Манифеста к русскому народу». Однако до решительного момента скрывал свои планы. Он играл с Батенковым «в поддавки». «Внешне соглашался с видами, с которыми внутренне был вовсе не согласен». Он соглашался с кандидатурой Елизаветы и Александра Николаевича. Соглашался, что можно будет договориться с Николаем, предложить ему трон, за который он заплатит конституцией. Однако Трубецкой «прекрасно понимал, что это невозможно практически и пагубно стратегически».

Батенков же настойчиво очерчивал «безмятежную революцию», без крови, без уличных боев. 8–9 декабря Трубецкой был формально избран диктатором и стал играть главную роль в подготовке восстания. Вместе с Батенковым он выработал план давления на власть путем сбора не желавших присягать полков и переговоров с претендентом. Трубецкой соглашался с таким планом «за неимением лучшего», пока было неясно, какими силами будет располагать тайное общество.

Суть этого плана состояла в том, чтобы в случае победы любым способом принудить Сенат создать Временное правительство, которое соберет Собор. Собор решит вопрос о будущем правлении. Батенков был готов сотрудничать с Николаем-императором в случае отказа Константина.

Батенков и Трубецкой приблизительно выработали общую стратегическую позицию. Союз этот «носил временный и вынужденный с обеих сторон характер». Батенков настаивал на том, чтобы отказавшиеся от присяги части были выведены на Пулковскую гору и оттуда вели переговоры с Николаем. Рылев же и Трубецкой не собирались оставлять у власти Николая и Константина на любых условиях. И во всяком случае негласным элементом тактического плана было царевубийство Николая.

Трубецкой, пока еще не был диктатором, должен был учитывать мнения других группировок, а свои подлинные намерения — захват Зимнего дворца, арест

императорской фамилии — скрывал до поры до времени. Трубецкой и Рылеев были единомышленниками. Различие во взглядах обоих лидеров проявилось лишь в тактических установках. Рылеев верил, что один капитан увлечет за собой целый полк. Трубецкой же хотел действовать наверняка.

12 декабря, когда силы были еще неясны, в основу действия тайного общества была положена схема: движения от полка к полку, потом на Сенатскую площадь. Трубецкой принял этот план за неимением лучшего, так как, не зная сил, невозможно было составить реальный план. Не хотел связывать себе руки. Поэтому мирился с этим вариантом. Рылеева же этот план не устраивал своей громоздкостью, медленностью и неопределенностью. Трубецкой вовсе не был категорическим сторонником бескровного переворота. 12 декабря произошел смотр сил тайного общества. Трубецкой понял, что остается только одна возможность, и на решительном совещании отдал точные распоряжения. Якубовичу он поручил взять штурмом Зимний дворец. 13 декабря «всё уже было решено»²⁰. Но Трубецкой решил еще раз проверить реальность вывода войск и проверить готовность солдат. Его мучила мысль о солдатах, которые могут погибнуть напрасно в случае заведомого поражения. Поэтому «диктатор» предложил офицерам выводить солдат из казарм только в том случае, если они сами поднимутся. Он имел в виду финляндцев и москвичей, которые для захвата Зимнего дворца не предназначались и должны были подняться после выхода Гвардейского экипажа. Но Рылеева такая позиция категорически не устраивала. Он настаивал на выступлении в любом случае. В этом «с абсолютной откровенностью выявилась разница в подходе Рылеева и Трубецкого к самой сути революционного действия». Для Рылеева был важен сам факт восстания, независимо от окончательного результата. Трубецкой же допускал лишь хорошо подготовленную военную операцию, имевшую высокие шансы на успех. После этого резкого столкновения Трубецкой продолжал призывать командиров действовать реалистично, Рылеев же решил заготовить собственный проект манифеста на тот случай, если Трубецкой сочтет восстание бессмысленным, и поручил эту работу Штенгейлю. Но Трубецкой был полон решимости действовать. И не он был виной, что план государственного переворота не осуществился. Я. А. Гордин вернулся к предложенной Н. Ф. Лавровым трактовке, согласно которой диктатор до последнего момента не терял надежды осуществить сорванный Якубовичем план и стремился возглавить выступившие войска, если бы стратегически это оказалось возможным.

Займствовав у Н. Ф. Лаврова идею о Трубецком как последовательном руководителе восстания, писатель пренебрег наблюдениями историка о том, что планы Трубецкого радикализировались по мере того, как обнаруживалась недостаточность военных сил для их реализации. Напротив, Я. А. Гордин, вопреки очевидности, утверждал, что «на исходе 13 декабря тайное общество

²⁰ Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. С. 203.

располагало внушительными и преимущественно надежными силами». И дело было лишь «за четкостью исполнения приказаний диктатора».

Разумеется, Я. А. Гордин полностью проигнорировал наблюдения историков 1920-х гг. относительно различных позиций Трубецкого и Рылеева, об эволюции плана Трубецкого в связи с выяснением предполагаемых сил восставших, о противоречивых свидетельствах источников относительно коррекции плана Рылеевым накануне выступления. Важнейшие наблюдения А. Е. Преснякова (книгу которого писатель штудировал как наиболее точный источник его исторических сведений) о том, что накануне выступления Трубецкой был заменен психически неуравновешенным Булатовым, Гордин предпочел просто не заметить. А ведь А. Е. Пресняков недвусмысленно писал, что вечером 13 декабря именно Рылеев добивался того, чтобы Трубецкого заменили, потому что он был недостаточно радикален. Но наблюдения профессионального историка никак не ложились в выстраиваемую писателем схему и поэтому ими пришлось пожертвовать.

Вторым важным отличием построений Я. А. Гордина от М. В. Нечкиной явилось то, что он категорически отверг тезис академика о предательстве Трубецкого. Главным виновником трагедии он сделал Якубовича, не сумевшего пережить крушение своих честолюбивых надежд быть во главе выступления. Мысль об этом впервые в осторожной форме высказала М. В. Нечкина еще в 1951 г. Но она высказала ее лишь предположительно. Писатель же гипертрофировал это предположение, превратив его чуть не в основное объяснение крушения планов государственного переворота. Логика Гордина была точно такая же, как и у М. В. Нечкиной: план восстания хорош, но его погубило предательство.

Согласно Гордину, Батенков, противник захвата дворца, ареста императорской фамилии, отстранения династии от трона, исключавший полностью какие-либо революционные моменты, накануне восстания принципиально разошелся с Трубецким. Видя, что планы общества стремительно радикализуются, чтобы отстоять собственную позицию, он решил найти опору в Якубовиче. Надежды Якубовича возглавить победоносное восстание, стать освободителем России не оправдались. Диктатором был избран Трубецкой. Честолюбивые надежды Якубовича оказались обманутыми. Батенков решил обратиться к собственной тактической вере. «И ему это удалось»²¹. Альянс же с Батенковым открывал Якубовичу новые возможности. Вечером 12 декабря Якубович сумел убедить Булатова не подчиняться распоряжениям диктатора, а действовать совместно и независимо от Трубецкого. 14 декабря в 6 часов утра у А. А. Бестужева Якубович в присутствии Каховского отказался от поручения штурмовать дворец. «С этой минуты и началась трагедия 14 декабря». Бестужев и Каховский поняли: план восстания рушится. «В эту страшную минуту Якубович

²¹ Там же. С. 173.

отлично сознавал, каковы будут последствия его отказа. ...Своим отказом возглавить экипаж и идти на дворец — не когда-нибудь, а непосредственно перед началом восстания! — Якубович выбивал почву из-под ног Трубецкого. Он не препятствовал восстанию вообще... он сделал невозможным именно то восстание, которое планировал Трубецкой. Он в полном соответствии с намерением Булатова устранял диктатора, ибо знал, что Трубецкой придает решающее значение взятию дворца. Якубович делал невозможным восстание, задуманное Трубецким, но при этом навязывал де-факто тайному обществу аморфный план Батенкова. Он исключил возможность четкого, рассчитанного революционного действия и открыл путь для импровизации... За ночь он сделал свой выбор. В хаосе, который должен был заменить четкий план Трубецкого, открывалась возможность перехватить лидерство и повести игру по-своему». Бестужев и Каховский «бросились», не пошли, а именно «бросились» к Рылееву «со своим страшным известием».

Нарисовав эту драматическую сцену патетическим красками, Я. А. Гордин сделал важный вывод о том, что, когда Трубецкой посетил Рылеева в то утро, диктатор еще не знал об отказе Якубовича и поэтому был совершенно спокоен. М. В. Нечкина, которая основывалась на следственных показаниях о времени появления Якубовича и Трубецкого, совершенно верно полагала, что Трубецкой уже узнал об отказе Якубовича, когда покидал квартиру Рылеева и никакой трагедии в этом не видел. Всё еще зависело от его дальнейших действий. Но Гордину было необходимо создать драматическую ситуацию, которая вызвала психологический надлом у диктатора, и лишила его воли действовать. Поскольку же дальнейшие поступки Трубецкого никак не подтверждали, что он уже «надломился», то Гордин, вольно обращаясь с хронологией событий, перенес психологический срыв диктатора на два часа позже, когда у себя дома он узнал от И. И. Пуцина и Рылеева о том, что его план рушится. «Трубецкой сказал себе, что он проиграл сражение».

Как помним, М. В. Нечкина объясняла срыв плана Трубецкого тем, что Сенат успел присягнуть раньше, чем восставшие полки собрались на площади, чтобы помешать присяге. Это влекло за собой необходимость атаки на дворец. Трубецкой же не вынес такого «полевения» плана и поэтому решился предать восстание. Я. А. Гордин совершенно верно полагал, что декабристы и не рассчитывали заставить Сенат издать манифест еще до присяги. Сделать это было практически невозможно. Поэтому их и не волновал вопрос, будут ли сенаторы на месте, когда соберутся войска. Поскольку же атака на дворец представляла стержень плана Трубецкого, то ни о каком «полевении» речи быть не могло. Но психологический надлом всё же был необходим, чтобы объяснить дальнейшие поступки Трубецкого. Я. А. Гордин искусственно сдвинул хронологию и объявил причиной психологического срыва диктатора предательство Якубовича. Хотя обошлось без «хрупкой дворянской революционности», причина крушения плана оказалась не менее надуманной, чем сам этот «план».

В отличие от М. В. Нечкиной, Я. А. Гордин пытался проследить, как эволюционировали планы лидеров тайного общества, но сделал это неудовлетворительно. Писатель был уверен в том, что после присяги Константину 27 ноября было решено общество законсервировать. После 6 декабря, когда появились слухи об отречении Константина, декабристы стали готовиться к выступлению, намереваясь использовать переприсягу²². В действительности же планы общества были иными. Первый план выступления тайного общества подготавливается сразу же после присяги цесаревичу 27 ноября, затем были второй и третий планы²³. Всё это нашло отражение в деле А. М. Муравьева. Оказывается, сразу же за присягой Константину тайное общество лихорадочно предпринимало попытки организовать выступление войск против присяги Николаю. Эта активная деятельность была основана на твердом убеждении, что первой реакцией Константина на известие о смерти Александра будет манифест об отречении цесаревича от престола. Не опубликовав манифеста о своем отречении, как того ожидали в Петербурге, Константин сорвал планы тайного общества, и дал возможность предполагать, что в ближайшем времени он воссядет на трон, что и заставило лидеров конспирации заговорить о необходимости самораспуститься. Но это произошло только после 3 декабря.

Однако отсутствие отречения Константина заставило общество временно отложить свои планы. Но после 6 декабря они возобновились. Это было связано с тем, что Николай хотел заставить войска присягать себе не по манифесту, а по приказу, объявленному в полках. Для этого их намеревались вывести за город²⁴. Именно тогда Батенков и Трубецкой выработали подробный план.

Его характернейшая черта состоит в том, что он был основан не на принуждении Сената, а на содействии Сената и Совета планам заговорщиков²⁵. Войска выводятся за город, а высшие государственные учреждения для выхода из тупика назначают Временное правительство. Это правительство формирует Верхнюю палату из Синода и Государственного совета, объявляет выборы депутатов в нижнюю палату. Эти учреждения совокупно определяют императора²⁶. Важнейшая черта этого плана заключается в том, что не Великий собор, а временное правительство формирует представительные учреждения и таким образом априори исключается республика. Наиболее приемлемая кандидатура в монархи — малолетний Александр Николаевич и при нем регент. Очень важно: есть много свидетельств о том, что это был тот самый вариант, который Трубецкой считал предпочтительным. Он говорил о нем в своих спорах с Пес-

²² Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. С. 66, 68, 70, 114, 116, 118, 126, 127, 173, 294, 214, 222–223, 236.

²³ Ильин П. В. Возобновление серии «Полярная звезда» (Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск, 1999) // 14 декабря 1825 года. Вып. VI. СПб., 2004. С. 469–471.

²⁴ Восстание декабристов (Далее — ВД). Т. I. М.; Л., 1925. С. 65.

²⁵ ВД. Т. I. С. 211; ВД. Т. II. М.; Л., 1926. С. 244, 283, 285.

²⁶ ВД. Т. XIV. М., 1976. С. 63, 64, 91, 92, 103, 118, 119, 122, 127.

телем в 1824 г.²⁷ Он поднял это вопрос и 27 ноября и 12 декабря у Рылеева²⁸. Сам Трубецкой был вынужден признать, что говорил об этом²⁹. План Батенкова мог реализоваться только в том случае, если на стороне инсургентов оказалась бы бóльшая часть гвардии. Только тогда высшие учреждения стали бы содействовать заговорщикам. Видимо, роль Трубецкого как диктатора заключалась в том, что он должен был выступить посредником между инсургентами и высшими учреждениями. Он вовсе не собирался командовать боевыми операциями, которые и не предполагались. Но выступить в этой роли он мог только в том случае, если бы высшие учреждения стали содействовать. Поскольку же, чем ближе было 14 декабря, тем яснее становилась слабость сил общества, а следовательно, в такой ситуации содействовать никто и не собирался, Трубецкой решил самоустраниться.

Тогда руководящая роль по подготовке выступления перешла к радикальным членам: К. Ф. Рылееву, Е. П. Оболенскому, И. И. Пущину. Они строили свои планы не на содействии, а на принуждении Сената. Характерно, что в своих показаниях они старались всячески обойти вопрос опервостепенном значении Временного правительства³⁰. Это и понятно: главное для них Великий собор, который может провозгласить и республику. Поскольку же сил катастрофически не хватало, радикальные лидеры приняли решение в обход уставов Трубецкого атаковать дворец первой же вышедшей частью. Однако они не располагали даже ею. Поэтому атака не состоялась.

Утверждение, что именно Трубецкой в основу плана положил штурм царской резиденции, основывается на сознательном игнорировании двух мемуарных свидетельств воспоминаний Н. А. Бестужева и «Записок» С. П. Трубецкого. Бестужев утверждал, что вечером 13 декабря в его доме Рылеев сообщил ему, что он намерен с первой же вышедшей частью, как бы мала она ни была, нанести удар по дворцу. Однако это намерение коренным образом отличалось от того, что было принято на последнем совещании тайного общества³¹. Трубецкой же в своих «Записках» пишет, что 6 мая 1826 г. во время очной ставки с Рылеевым, который утверждал, что занятие дворца было заложено в плане действий самим Трубецким, был настолько поражен бледным и исхудалым видом измученного Кондратия Федоровича, что решил, так сказать, оптом согласиться со всеми его утверждениями, чего, однако, делать не должен был³². Кроме того, показания самого Трубецкого о последнем совещании у Рылеева 13 декабря³³, полностью

²⁷ ВД. Т. IV. М.; Л., 1927. С.102–103; ВД. Т. IX. М., 1950. С. 113.

²⁸ ВД. Т. I. С. 449; ВД. Т. XIV. С. 99–100, 103, 130, 160.

²⁹ ВД. Т. I. С. 62.

³⁰ ВД. Т. I. С. 18, 132, 154–155, 187–188, 245.

³¹ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 35–36.

³² *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Иркутск, 1983. С. 176.

³³ ВД. Т. I. С. 70–71.

подтверждаемые показаниями М. И. Пуцины³⁴, не оставляют сомнений: об атаке на дворец диктатор и не помышлял³⁵.

К сожалению, описание решительных совещаний у Рыльева 12 и 13 декабря, на которых были выработаны окончательные решения, принадлежит к наиболее слабым в исследовательском отношении частям книги Я. А. Гордина. Здесь ярче, чем где бы то ни было, проявился его дилетантизм и авторская ангажированность. Описание совещания 12 декабря у Рыльева писатель строит на основании двух источников: письма А. М. Булатова вел. кн. Михаилу 25 декабря 1825 г.³⁶ и воспоминаниях А. Е. Розена, полностью игнорируя следственные показания Штенгейля³⁷. Прежде чем доверять показаниям Розена, резко противоречащим следственным материалам, следовало бы выяснить состав участников совещания (это сделать вполне возможно) и определить, был ли среди них Розен. Прделав эту несложную источниковедческую работу, писатель без особого труда установил бы, что Розен не был у Рыльева вечером 12 декабря, но присутствовал на дневном заседании у Оболенского, на котором находился и Рылеев. Очевидно, Розен спустя столько лет многое спутал. Иначе не стал бы утверждать: все были восторженно настроены и готовы действовать. Из материалов следствия явствует, что на участников совещания оно произвело такое удручающее действие, что Рылеев, чтобы выйти из тягостного недоумения, предложил участникам хотя бы самим явиться на Сенатскую площадь³⁸. Я. А. Гордин утверждает, что вечером 12 декабря на совещании у Рыльева Трубецкой огласил свой план атаки на Зимний дворец. Все имеющиеся показания свидетельствуют о совсем иных планах: Якубович и Булатов должны были явиться на площадь и там действовать по указаниям Трубецкого, которых он, однако не открыл³⁹. Я. А. Гордин как бы не видит, что мысль о цареубийстве возникла 12 декабря именно вследствие сознания недостатка сил. Поэтому он, как и М. В. Нечкина, не сумел разобраться в том, как в действительности ставился вопрос о цареубийстве⁴⁰. Конечно же, писатель полностью игнорирует то, что Трубецкой стал просить, чтобы его отпустили на юг⁴¹. Естественно, если хочешь убедить читателя в том, что Трубецкой готовит штурм Зимнего дворца, то просьбу «диктатора» лучше вообще не заметить!

³⁴ ВД. Т. XIV. С. 454–455.

³⁵ См. подробно: Сафонов М. М. Зимний дворец в планах выступления 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 228–291.

³⁶ ВД. Т. XVIII. М. 1984. С. 294–295.

³⁷ ВД. Т. XIV. С. 160, 454–455.

³⁸ ВД. Т. I. С. 247.

³⁹ Там же. С. 452; ВД. Т. XVIII. С. 294.

⁴⁰ См. подробно: Сафонов М. М. 14 декабря 1825 г. и проблема цареубийства // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. III. «Городская, 2». СПб., 2006. С. 14–17.

⁴¹ ВД. Т. I. С. 58.

Не выдерживает никакой критики описание совещаний 13 декабря. Здесь спутано всё, что только можно спутать. Я. А. Гордин полагает, что люди этого времени обедали в 2–3 часа. Именно от этого часа он ведет расчет времени дня, предшествовавшего выступлению. Между тем в пушкинское время обедали в шесть вечера. В итоге писатель перепутал последовательность совещаний у Е. П. Оболенского (4 ч.), у Н. А. Бестужева на Васильевском острове (около 6 ч.), у Рылеева на Мойке (около 8 ч.) и снова у Н. А. Бестужева на Васильевском (10 ч.). Относительно последнего совещания в книге Я. А. Гордина несутветная путаница. В одном месте оно объявляется совещанием на квартире Н. П. Репина, к которому приехали в 10 ч. Рылеев и Пущин, в другом месте книги значится, что это совещание было у Н. А. Бестужева, в третьем фрагменте говорится, что оно имело место не 13, а 12 декабря. Наконец, в четвертом случае читателю сообщается, что Рылеев и Пущин были у А. Н. Тулубьева. Вместе с тем Я. А. Гордин пишет, что в это же самое время Н. А. Бестужев, Н. П. Репин и А. И. Одоевский находились на совещании у Рылеева на Мойке⁴². Тогда как на самом деле первые двое пребывали безвыездно на Васильевском острове⁴³, а последний стоял в карауле в Зимнем дворце⁴⁴.

В итоге автор «Мятежа реформаторов» просмотрел целую серию совещаний умеренных членов общества, идеологом которых был Батенков. Собравшись вместе, они обсуждали тактические вопросы завтрашнего выступления и вырабатывали программный документ — «Манифест». Гордин совершенно неверно устранил Батенкова от активного участия в намечавшемся выступлении, отдавая ему роль человека, с которым не обсуждают серьезных дел, а только говорят на посторонние темы: о Лафайете и Карно. Между тем перечисленные имена — это знаковые фигуры, символизирующие собой две линии в революции.

Я. А. Гордин ввел очень неудачный термин «декабристская периферия». То есть ядро — это те, кто оказался в обществе по идейным соображениям, а периферия — те, кто в силу случайных обстоятельств. Автор как бы не замечает, что Батенков, и Штенгейль столь же идейно убежденные люди, как и Рылеев и Пущин, да только идеи их были совсем другие. Опираясь этим термином, придется признать, что выступление 14 декабря носило «периферийный характер», потому что И. А. Бестужев и его брат Николай, выведившие войска, действовали по плану Батенкова, с которым они встречались утром 14 декабря⁴⁵.

К сожалению, иначе как просто фальсификацией нельзя назвать описание решительного совещания у Рылеева вечером 13 декабря. М. В. Нечкина по понятным причинам умышленно уклонилась от всякой конкретики. Я. А. Гордин пошел по другому пути, но для того чтобы доказать, что в этот вечер Трубецкой

⁴² Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. С. 166, 196, 201, 205, 206.

⁴³ ВД. Т. II. С. 83.

⁴⁴ Там же. С. 246.

⁴⁵ Там же. С. 77.

давал поручение штурмовать Зимний, писателю пришлось совершить насилие над источниками и умышленно ввести в заблуждение читателя. Дело в том, что существуют следственные показания об этом совещании. Из них явствует, что Трубецкой убеждал ротных командиров самим не поднимать войска, а только возглавить их в том случае, если солдаты сами выступят. Существуют показания самого Трубецкого⁴⁶ и М. И. Пущина⁴⁷. Последние почти дословно повторяют то, что показывал Трубецкой. Из этого явствует, что Трубецкой говорил правду. Кроме того, следователи допросили каждого из названных Трубецким ротных командиров и они все подтвердили справедливость его показаний. За исключением Репина, который на совещании не присутствовал. Я. А. Гордин же утверждает, что такие наставления давались только москвичам и финляндцам, которые не предназначались для штурма. Это прямой обман читателей. Среди инструктируемых ротных был А. П. Арбузов, который, согласно Гордину, должен был вести моряков на штурм. И он тоже выслушал инструктаж диктатора⁴⁸. О каком штурме мог думать Трубецкой, если он призывал не возбуждать солдат понапрасну? Этого одного эпизода достаточно, чтобы составить представление, насколько далека от истины версия, представленная писателем.

Но, пожалуй, самым слабым звеном в построениях Я. А. Гордина является утверждение о том, что конспект манифеста, случайно сохранившийся в бумагах Трубецкого, являлся программным документом, который восставшие должны были опубликовать в случае победы. В действительности этот документ имеет более раннее происхождение и восходит к тому времени, когда Северное общество обсуждало вопрос об объединении с Южным и вырабатывало компромиссную платформу, на которой такое объединение было бы возможным⁴⁹. Прямого отношения к событиям междуцарствия он не имел. Над писателем довлел манифест Трубецкого. «Под реализацию» этого манифеста Гордин и «подобрал» соответствующий план, составив его из отдельных элементов следственных показаний, как из кусочков мозаики или из кубиков в детской игре.

Концепция Я. А. Гордина могла быть построена только при намеренном замалчивании всех тех данных, которые не укладывались в эту искусственно созданную схему или резко противоречили ей. Между тем данные источников крайне разноречивы. План постоянно видоизменялся, и свидетельства очевидцев зафиксировали различные стадии развития этого плана⁵⁰. Только сопоставление этих свидетельств, по возможности в хронологической после-

⁴⁶ ВД. Т. I. С. 70–71.

⁴⁷ ВД. Т. XIV. С. 454–455.

⁴⁸ ВД. Т. I. С. 70.

⁴⁹ Сафонов М. Манифест к русскому народу // X «Декабристські читання»: Тези Міжнародної теоретичної конференції. 2005. Київ, 2005. С. 88–90; Сафонов М. М. Ложь и правда о 14 декабря 1825 года // Н. А. Троицкому — К юбилею. Сб. статей. Саратов, 2011. С. 149–160.

⁵⁰ См. подробно: Сафонов М. М. Зимний дворец в планах выступления тайного общества 14 декабря 1825 г. С. 228–291.

довательности, с точным определением того времени, на которое приходится зафиксированное в каждом из них мнение, позволяет проследить все этапы сложной эволюции этого плана⁵¹. При этом задача усложняется тем, что руководители тайного общества стремились утаить от следователей свои подлинники планы. Поэтому на разных этапах расследования они в зависимости от того, что становилось известно Следственному комитету, сообщали его членам отдельные данные этого постоянно развивавшегося плана, представляющие собой как бы временной срез его эволюции, как окончательно установленный. Наконец, если прибавить к этому, что перед каждым руководителем в той или иной стояла задача скрыть или значительно минимизировать собственную роль в выработке окончательных решений и тем самым снизить долю ответственности за них, становится понятно, насколько запутанную картину выработки окончательного плана выступления дают следственные документы и как сложно восстановить истинное положение дел⁵².

Будущие историки, несомненно, назовут М. В. Нечкину «Корфом наоборот». М. А. Корф служил режиму, унижая декабристов. Нечкина делала то же самое, возвеличивая их. Режимы были разные. Несмотря на филиппики Герцена, будущие поколения будут с благодарностью вспоминать директора Публичной библиотеки как неутомимого собирателя исторических источников и их публикатора. Скорее всего, то же можно будет сказать и о Нечкиной, археографическая деятельность которой, по-видимому, в будущем будет представлять наиболее ценную часть ее творческого наследия. Но едва ли было бы правомерно проводить какие-либо параллели между М. А. Корфом и Я. А. Гординым: директор Публичной библиотеки, хотя и «подсвистывал» власти, являлся великолепным знатоком реалий той эпохи, о которой взялся писать.

Задачу своей книги Я. А. Гордин определил так: попытаться «с дистанции в полтора с лишним столетия воссоздать великий день 14 декабря 1825 года... в его сюжетной многоплановости». Предупредив читателя, что не убежден в успехе, автор продолжал: «Но мое дело попытаться, мое дело двигаться туда, к этому сырому и морозному дню, окончательно переломившему ход нашей истории. Авось дойдем»⁵³. Увы. Привычное «авось». Движение к тому историческому рубежу оказалось «путешествием дилетанта».

⁵¹ Сафонов М. М. К. Ф. Рылеев против С. П. Трубецкого (по материалам следственного комитета) // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб., 2007. С. 53–93.

⁵² Сафонов М. М. С. П. Трубецкой против К. Ф. Рылеева: борьба в руководстве тайного общества накануне 14 декабря 1825 года // Декабристы в Петербурге: Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 150–234.

⁵³ Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. С. 14.

References

- Gordin Y.A.* Sobytiya i lyudi 14 dekabrya. L., 1985.
- Gordin Y.A.* Myatezh reformatorov. L., 1989.
- Gordin Y.A.* Myatezh reformatorov: 14 dekabrya 1825 g. Posle myatezha (Hronika). M., 1997.
- Gordin Y.A.* Myatezh reformatorov: Drama mezhdunarstviya. SPb., 2006.
- Il'in P.V.* Vozobnovlenie serii «Polyarnaya zvezda» (Murav'ev A.M. Zapiski i pis'ma. Irkutsk, 1999) // 14 dekabrya 1825 goda. Vyp. VI. SPb., 2004.
- Lavrov N.F.* «Diktator 14 dekabrya» // Bunt dekabristov. Yubilejny sbornik 1825–1925. L., 1926.
- Nechkina M.V.* Dekabristy. M., 1930.
- Nechkina M.V.* Den'14 dekabrya 1825 goda. M., 1975.
- Nechkina M.V.* Dvizhenie dekabristov. T. I–II. M., 1955.
- Presnyakov A.E.* 14 dekabrya 1825 goda. M.; L., 1926.
- Rosen A.E.* Zapiski dekabrista. Irkutsk, 1984.
- Safonov M.M.* 14 dekabrya 1825 goda i problema careubijstva // Politicheskaiya istoriya Rossii: Proshloe i sovremennost'. Istoricheskie chteniya. Vyp. III. «Gorohovaya, 2». SPb., 2006.
- Safonov M.M.* 14 dekabrya 1825 goda kak kul'minaciya mezhdunarstviya // 14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya. Vyp. IV. SPb., 2001.
- Safonov M.M.* Dekabristy razbudili Gordina // Gorod. 2005. № 46 (178). 26 dekabrya.
- Safonov M.M.* K.F. Ryleev protiv S.P. Trubeckogo (po materialam sledstvennogo komiteta) // Vlast', obschestvo i reformy v Rossii: istoriya, istochniki, issledovaniya, istoriografiya. SPb., 2007.
- Safonov M.M.* Lozh' i pravda o 14 dekabrya 1825 goda // N.A. Troitskomu — K yubileyu. Sbornik statej. Saratov, 2011.
- Safonov M.M.* Mezhdunarstvie // Dom Romanovyh v istorii Rossii. SPb., 1995.
- Safonov M.M.* Process po delu dekabristov kak fenomen obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii // Istoriko-kul'turnoe nasledie i duhovnye cennosti Rossii. Programma fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk. M., 2013.
- Safonov M.M.* S.P. Trubeckoj protiv K.F. Ryleeva // Dekabristy v Peterburge: Novye materialy i issledovaniya. SPb., 2009.
- Safonov M.M.* Sranovlenie sovetskoj koncepcii vosstania dekabristov // Mavrodinskiye chteniya. 2008. Peterburgskaiya istoricheskaya shkola i istoricheskaya nauka: diskusionnye voprosy istorii, istoriografii, istochnikovedeniya. SPb., 2009.
- Safonov M.M.* Zimnij dvorets v planah vystupleniya 14 dekabrya 1825 goda // Dekabristy: Aktual'nye problemy i novye podhody. M., 2008.
- Safonov M.* Manifest k russkomu narodu // X «Dekabristskichitannya»: Tezi Mizhnarodnoi-teoretichnoi konferencii. 2005. Kiiv, 2005.
- Skazin E.V.* Vosstanie 14 dekabrya 1825 goda. M.; L., 1925.
- Trubeckoj S.P.* Materialy o zhizni i revoljucionnoj deyatelnosti. T. I. Irkutsk, 1983.
- Vospominaniya Bestuzhevych. M.; L., 1951.
- Vosstanie dekabristov. T. I. M.; L., 1925.
- Vosstanie dekabristov. T. II. M.; L., 1926.
- Vosstanie dekabristov. T. IV. M.; L., 1927.
- Vosstanie dekabristov. T. IX. M., 1950.
- Vosstanie dekabristov. T. XIV. M., 1976.
- Vosstanie dekabristov. T. XVIII. M., 1984.
- Zapiski grafa Aleksandra Ivanovicha Ribop'era // Rysskij arhiv. 1872. Kn. I.